

**“С БОГОМ ИЛИ ПРОТИВ БОГА ДОЛЖНА СТРОИТЬСЯ ПОДЛИННАЯ  
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА?..”: ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ  
ВЫСТУПЛЕНИЙ Д. В. ФИЛОСОФОВА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ (1917–1918)<sup>1</sup>**

© 2017 г. А. А. Холиков

Доктор филологических наук, доцент кафедры теории литературы филологического факультета  
МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, Москва, 119991, Россия,  
*aakholikov@gmail.com*

© 2017 г. О. А. Коростелев

Кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе  
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН,  
ул. Поварская, 25а, Москва 121069, Россия,  
*okorostelev@mail.ru*

*Дата поступления материала в редакцию 24 июня 2017 г.*

**“IS IT WITH GOD OR IN SPIGHT OF GOD THAT THE TRUE HUMAN CULTURE  
SHOULD BE CREATED?”: IN REFERENCE TO D. V. PHILOSOPHOV’S JOURNAL  
ARTICLES OF REVOLUTIONARY YEARS (1917–1918)**

© 2017 Alexej A. Kholikov

Doctor of Philological Sciences associated Professor at the Department of Theory of Literature, Philological Faculty  
of the Lomonosov Moscow State University (MSU), Leninskie gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia,  
*aakholikov@gmail.com*

© 2017 Oleg A. Korostelev

Candidate of Philological Sciences, Deputy Director of the Gorky Institute of World Literature of the RAS,  
Povarskaya Street, 25a, Moscow 121069, Russia,  
*okorostelev@mail.ru*

*Received by Editor on June 24, 2017.*

В статье впервые подробно освещаются публицистические выступления Д.В. Философова 1917 – 1918 годов, не переиздававшиеся и не входившие в прижизненные авторские сборники, по ряду актуальных для него проблем культурно-просветительской политики накануне и после Февральской, а также Октябрьской революций. Основное внимание при этом уделено вопросам о памятниках искусства (в том числе царском наследии) и ситуации с гуманитарным образованием. Речь, в частности, идет о критике новой программы по истории русской литературы в средней школе (по следам закрывшегося 4 (17) января 1917 года съезда преподавателей словесности в Москве, в котором приняли участие не только учителя, но также профессора и даже академики, среди которых были П. Н. Сакулин и Н. А. Котляревский), а также об ответе на вопрос о том, какой долг лежит на учителях истории после прихода к власти большевиков. В результате, как показывают авторы статьи, Философов не только формулирует свою позицию по частным вопросам культурной политики и школьного образования, но также излагает собственное видение того, как формируются духовные ценности, скрепляющие нацию через ее общую историю и литературу, и одновременно с этим он включается в масштабную полемику тех лет о патриотизме и роли интеллигенции в кризисную эпоху.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01432).

The study, for the first time, turns to the journalistic articles of D.V. Philosophov (1917 – 1918), which had not been reprinted or included in his lifetime author's collections. These articles address a number of topical problems linked with the cultural and educational policies on the eve and in the wake of the February and October Revolutions. The main attention is paid to the monuments of art (including the tsarist heritage) and to the situation around the humanities education. A particular concern is with the critique of the newly-drawn syllabus in the history of Russian literature for secondary schools, which followed upon the instructors' congress in Moscow, closed on January 4 (17), 1917, in which not only school teachers, but also professors and members of the Academy took part (including P. N. Sakulin, N.A. Kotlyarevsky). In addition, the concern is with the issue of moral responsibility of the history teachers before their pupils, after the Bolsheviks had come to power. As a result, as the article shows, Philosophov not only has formulated his position on the private issues of cultural policy and school education, but also has set forth his own vision of how spiritual values are being consolidated – values that hold the Nation together through our common history and literature. Simultaneously, the publicist entered the large-scale polemics of those years, about patriotism and the role of intelligentsia in the Age of Crisis.

*Ключевые слова:* Д.В. Философов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, публицистика, Февральская революция, Октябрьская революция.

*Keywords:* D.V. Philosophov, D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, journalism, the February revolution, the October Revolution.

В ходе ведущейся в настоящий момент подготовки к печати тома статей Д.В. Философова 1917 – 1918 годов нам удалось выявить чуть более ста его публикаций революционных лет (см. Приложение). И хотя на исчерпывающую полноту этот список не претендует, тем не менее основные статьи и заметки в нем по возможности учтены. Большинство из них вышло в кадетской “Речи”, в том числе – после ее переименования (“Наша речь”, “Свободная речь”, “Век”, “Новая речь”, “Наш век”). «Я лично (если это кому-нибудь интересно знать), – признавался Философов, – никогда не принадлежал к кадетской партии. Я просто рядовой сотрудник “Речи”, во многом ей симпатизирующий, особенно в ее честном отношении к обороне, в ее борьбе с демагогией, с погромной агитацией. Никогда кадеты не стояли на задних лапках перед физической силой, никогда не потакали стихии. И это мне дорого» [1, с. 1–2]. Несмотря на содержательную “разношерстность” (что вообще было характерно для Философова) и резкий уклон с начала 1917-го в политическую публицистику, значительная часть выявленных нами статей посвящена культурно-просветительской политике. Менее чем за месяц до Октябрьской революции Философов опубликовал “Предостережение”, в котором высказывал опасения относительно того, что в результате грядущей смены власти, после того как “народ сметет весь этот мусор изолгавшихся демагогов”, “вместе с этой шелухой может погибнуть, разорваться ткань государственности, последний покров культуры” [2, с. 2].

Здесь нужно оговориться, что в 1917 – 1918 годах Философов-публицист значительно реже

высказывался по вопросам культуры, нежели в былые годы. Однако он вышел из того самого класса, к которому, как писал А.Н. Бенуа, “принадлежали все главнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX столетий, создавшие прелесть характерного русского быта” [3, с. 504–505]. Вспоминая о годах своей молодости, Философов писал: “Для нас (имеются также в виду А.Н. Бенуа, В.Ф. Нувель и К.А. Сомов. – А.Х., О.К.) созидательное восприятие и понимание прекрасного были высочайшими целями жизни, которые были так далеки от реальных банальностей каждодневной жизни. Мы пришли к заключению, что мы должны избегать всего того, что замедляет наступление этого конца” [4, с. 446]. Но к началу 1917-го “конец”, судя по всему, уже наступил, и Философов совершенно спокойно заявляет: “Человек – выше книги, жизнь – значительнее литературы” [5, с. 3] – а после Февральской революции высказывается еще более резко: «...не будем бояться за “культурные ценности”. Много настоящих “буржуев” прикрывают страх за свои животишки страхом за “культурные ценности”» [6, с. 3]. Между тем политика, проводимая большевиками, заставила Философова заговорить о “культурных ценностях” в ином ключе и уделять им больше внимания в публицистических выступлениях. «Теперь, – пишет он в марте 1918-го, – при наступившем разрушении всей культурной жизни, и в первую голову разрушении книг и журналов, наша “богема” очутилась в очень трагическом положении» [7, с. 6]. Надежду на то, что она окончательно не сдалась, Философов усматривает в изданной артелью “Сегодня” серии книг А.М. Ремизова, С.А. Есенина, И.С. Соколова-Микитова, Натана Венгрова и др. В новых условиях, когда

книжное дело было разрушено (“Художники сами вырезают свои рисунки, т.е. сами делают клише, от руки раскрашивают их. Писатели же сами превращаются в самодельных издателей, в чуть ли не топографов. Ищут типографию, бумагу, разносят книжечки по магазинам...” [7, с. 6]), книга оказалась для Философова все-таки не ниже человека, а литература — не менее значительна, чем жизнь: «Когда я вижу эти пестренькие обложки, раскрашенные с любовью от руки, во мне просыпается не только жадность непоправимого библиофила, который отлично понимает, что через короткое время эти книжечки превратятся в “редкость”, но и чувство радости: нежное еще нежнее на улицах, где пахнет бойней...» [7, с. 6].

В статьях Философова, посвященных культурной политике, одним из центральных всегда оставался вопрос о памятниках искусства. И надо заметить, что в опасности, по мнению публициста, они находились еще до прихода к власти большевиков. К месту вспомнить о том возмущении, которое у Философова в феврале 1917-го вызвала идея священника Антонова, ключаря храма Воскресения Христова, выстроить в связи с годовщиной отмены крепостного права новый музей в Михайловском саду, украсить аллеи “названиями главных художественных деятелей царствования Александра II”, а на Михайловской площади воздвигнуть памятник Александру II и “галерею”, где было бы обеспечено место композиторам, особенно духовным [8, с. 2]. «Везде, — сказано по этому поводу, — люди власть имущие ответили бы фантазеру, что в современном городе уничтожать вековые деревья, уничтожать старые парки — настоящее преступление, что уродовать город во имя “крестьянина”, прежде всего... непоследовательно. Но у нас все возможно. У нас знахарь заткнет за пояс всякого доктора, а дилетант всякого специалиста» [8, с. 2].

Когда с падением самодержавия встал вопрос о царском имуществе, Философов справедливо напоминал своим читателям: “При бывшем директоре Эрмитажа, кн. Трубецком, были в ходе эрмитажные спектакли. Ужины происходили в самом Эрмитаже, причем Рембрандтовская галерея была приспособлена в качестве дамской уборной (sic!). Во время одного из ужинов был случайно разрезан пополам портрет работы Ван-Дика. За достоверность этих фактов я ручаюсь” [9, с. 2]. А потому за призывом публициста приступить к “ликвидации” этого имущества стояло стремление вовсе не уничтожить его, а реформировать “в самом демократическом духе” и превратить “в рассадник живой, всенародной культуры” [9, с. 2]. «Не сегодня — завтра, — пишет

Философов, — вопросы внешкольного образования, “народных домов”, университетов и т.п. станут во всей остроте. Неужели же певческая капелла, придворный оркестр, казенные театры и т.п. останутся петербургскими “музейными” учреждениями, а не превратятся в культурные рассадники “инструкторов”, которые должны быть, обязаны быть к услугам народа? Или возьмем царские покои. Неужели же они останутся запертыми музеями? Припомните Францию. Версаль, Сен-Жермен, Шантили, это все любимые народные парки, где сберегается народное здоровье. Пойдите в Сен-Клу в воскресный день. Парк переполнен рабочим людом. Целыми семьями идет туда народ на весь день. А у нас, рабочий люд должен в праздники толкаться по Лиговке! У нас Ялта задыхается в пыли и грязи, не имея возможности пользоваться Ливадией, Массандрой и Орландой. Ни для кого не секрет, что и железной дороги нет по южному берегу из-за царских владений» [9, с. 2].

Ровно через год, в марте 1918-го, наблюдая за “разрушением человеческих жизней, культурных памятников, материального добра, разрушением самой России” [10, с. 2], горестно констатируя, что “Спасское-Лутовино уже разрушено” и “теперь дошла очередь до Михайловского” [11, с. 2], Философов невольно задает себе вопрос: «...да один ли “народушко” виноват в этом акте варварства?» [11, с. 2]. К числу его идейных вдохновителей он причисляет В.В. Розанова и А.М. Горького, Л.Н. Толстого и Д.И. Писарева, всех тех, кто своими учениями разрушал “старый мир” и обеспечил “нынешнее торжество невежества” и “привилегированное положение безграмотных” [11, с. 2]. «В этом пункте, — заключает Философов в статье с красноречивым названием “Скифы”, — нельзя говорить о расколе между интеллигенцией и народом. Интеллигенция “плевала” в духовные богатства России, “народ” плюнул в богатства материальные» [11, с. 2]. И символическим свидетельством пятого акта трагедии, который еще не наступил (“Мы переживаем четвертый” [12, с. 1] — так сказано в одной из статей Философова), выглядит то, как на фоне развернувшегося крушения культурных ценностей “скульпторы обдумывают проект памятника Карлу Марксу” [12, с. 1].

Уничтожение коснулось не только исторических памятников “старого мира”. После ареста графини С.В. Паниной, основавшей знаменитый Народный дом в Петербурге, 1 (14) декабря 1917 года Философов опубликовал статью “Враг народа”, в которой затронул еще одну значимую для его публицистики проблему образования:

«Бедны мы очень просвещением, но все-таки есть что разрушить. Хотя бы изничтожить учительский персонал. И уже идут аресты учителей, учительниц, обвиняемых в оскорблении Величества, в непочтительных выражениях о “священной особе” сегодняшнего самодержца» [13, с. 1]. В этой же публикации Философов высказался относительно “культурно-просветительных” декретов “скорбноглавого Луначарского”, который, по его словам, “ничего еще не сделал для русского просвещения, да ничего и не сделает” [13, с. 1].

Интерес к учителям и вопросам школьного образования у Философова не был спровоцирован разрушительной политикой большевиков, а имел более глубокие корни. Еще до Февральской революции, в начале 1917-го, он опубликовал ряд статей о преподавании литературы. Надо заметить, что общая картина, обрисованная Философовым, узнаваема и сегодня: «Гимназия, средняя школа вообще одно из самых непопулярных учреждений в России. Школьники, как и полагается, ее ненавидят, родительские комитеты пребывают в состоянии непрерывного “протеста”. А профессора высших учебных заведений приходят в отчаяние от некультурности и безграмотности юношей, снабженных аттестатом зрелости» [14, с. 3]. По следам закрывшегося 4 (17) января съезда преподавателей словесности в Москве, в котором приняли участие не только учителя, но также профессора и даже академики (среди них — П.Н. Сакулин, Н.А. Котляревский), Философов отметил, что главная ошибка комиссии, составившей проект новой программы по истории русской литературы в средней школе, состоит “в чрезмерной научности” [15, с. 3]. Между тем, полагает он, сам «предмет науки остается неопределенным, и в конце концов неизвестно, по каким признакам памятник “письменности вообще” относится к числу памятников литературных, почему письма князя Курбского — литература, а “обозрение законов” Сперанского <-> не литература?» [15, с. 3]. Во многом поэтому, читаем мы, “история русской литературы по-прежнему сводится к истории культуры, ее самодовление и автономность как бы не признаны” [14, с. 3]. Философов замечает, что “со времени кончины Веселовского вопросы методологии усилленно разрабатываются”, но при этом добавляет, что “сказать, чтобы ученые пришли к определенным выводам — все еще нельзя” [15, с. 3]. Упрекая ученых в том, что они “невольно забывают педагогическую точку зрения” и «из средней школы хотят сделать “маленький университет”» [15, с. 3], Философов формулирует собственный взгляд на задачи средней школы, которая, по его мнению, “не может и не

должна давать знаний”: “Воспитать в ученике средней школы волю к знанию куда важнее, нежели набить его голову теориями, хотя бы новейшими. Ознакомить его с фактами, с отдельными писателями и художественными произведениями куда полезнее, нежели с современными научными взглядами” [15, с. 3].

Если учитель словесности, таким образом, должен был прежде всего прививать своим ученикам непосредственную любовь к литературе, то преподаватель истории, по убеждению Философова, — “ковать в школе сознание нации” [16, с. 2]. В условиях новой российской действительности, после прихода к власти большевиков, отвечая на вопрос о том, какой долг налагает на учителя истории текущий момент, какие изменения в содержании предмета он диктует, публицист соглашается с тридцатью шестью преподавателями истории средних и высших учебных заведений Петрограда, которые летом 1918 года обратились к своим коллегам с призывом “блюсти заветы национального сознания” [16, с. 1]. Тем самым Философов включается в полемику о патриотизме и высказывает точку зрения, близкую той, которую несколькими днями раньше на страницах того же издания отстаивал Мережковский [17]: «У нас есть интеллигенция, которая не удовлетворяется званием “русского”, чувствует себя исключительно членом “интернационала”. А рядом с ней процветает уездный патриотизм “калуцких” и “пензенских” патриотов. В щель между всечеловеками и калуцкими мешочниками провалилась, как фантом, Россия и русская история» [16, с. 1].

В методологическом отношении Философов вновь критикует безличный подход к преподаванию и “нецелесообразному” методу В.А. Келтуялы, в основе своей — марксистскому, предпочитает “Историю России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей” Н.И. Костомарова, “потому что только через творческую личность можно подойти к душе сидящего за партой юнца, заинтересовать его” [16, с. 2]. Здесь Философов не просто формулирует взгляд по частному вопросу школьного образования. Он излагает собственное видение того, как формируются культурные ценности, скрепляющие нацию через ее общую историю и литературу: «Без “почитания” не может быть никакой преемственности, без утверждения личности в противовес безличному процессу не может быть творчества, не может быть свободы. “Духовные” ценности культур создаются благодаря чудесному синтезу свободной, творческой личности с “процессом”, основанном на законе необходимости» [16, с. 2].

Однако историческая реальность была тако- ва, что уже накануне Октябрьской революции, встретив в кулуарах предпарламента Л.Н. Андре- ева, который прошел от союза редакторов, Фило- софов с горестью записал слова писателя о том, что великая русская литература, которой Рос- сия хвастала перед Европой, исчезла, остались только самовары, и далее — неутешительный вы- вод: «Избирательный голос Андреева, Королен- ко, Мережковского, пожалуй, еще нужен. Бору- щиеся партии будут зазывать каждого из них. Но кому нужны их “собрания сочинений”? Ведь це- нила их только интеллигенция. А интеллигенция с каким-то нездоровым мазохизмом предала са- мое себя. Как будто ее нет и никогда не было...» [18, с. 5].

И все же интеллигенция была. Не та — в кавыч- ках, “плевавшая”, по определению Философо- ва, в духовные богатства России и ответственная за их разрушение, а другая — истинная, которая “была всегда авангардом русской общественно- сти и русской культуры” [19, с. 1], стояла на стра- же духовных ценностей, “начиная с Радищева и де- кабристов” [20, с. 3]. В этот ряд Философов также включает имена А.И. Герцена, П.Л. Лаврова и при- зывает “не забывать подвигов своих отцов” [21, с. 1]. В статье, написанной ко второй годовщине смер- ти М.М. Ковалевского, на даче которого в Ниц- це он в 1892 году познакомился с Мережковскими и в чьей газете “Страна” печатался с марта 1906- го, посылая из Парижа корреспонденции, зву- чит признание в том, что “интеллигенция во мно- гом грешна” [22, с. 2]. Тогда же, в апреле 1918-го, появляется еще одна статья Философова, в которой он развивает свою мысль: «Предаваясь мечтани- ям, чувствуя себя в государственно-политическом отношении совершенно безответственной, интел- лигенция постоянно грешила влечением к соци- ализму немедленному. Забывая жизненные инте- ресы государственного организма, она стремилась к немедленному воплощению своих идеалов, и тем проявляла свою “восточную душу» [19, с. 1]. Но, несмотря на это, интеллигенция, по убеждению Философова, всегда оставалась “символом созна- ния народного” [20, с. 3], и “только при свете раз- ума и сознания Россия сможет устроить свою госу- дарственную жизнь” [23, с. 2]. Сказано почти за два года до того, как В.И. Ленин в письме Горькому от 15 сентября 1919-го назовет “буржуазных интелли- гентов” не “мозгом” нации, а ее “говном” [24, с. 48]. И в этом отношении подтвердит внутреннюю бли- зость советского и царского режимов, на что Фило- софов также обратил внимание: «Здесь таится глав- ное сходство старого самодержавия с новой дик- татурой. Как во времена царские, правительство

обвиняло русскую интеллигенцию в “саботаже”, в нежелании помогать правительству в его госу- дарственной работе, так и теперь наши диктаторы смешивают интеллигенцию с грязью, объявляют ее врагом народа, только потому, что интеллиген- ция не хочет отказаться от свободы, признать на- силие верховным принципом общественной жизни» [23, с. 2].

Называя “жертвенность” существенным при- знаком интеллигенции и полагая, что она “долж- на быть гонимой” [25, с. 2], Философов выступает против сотрудничества с большевиками: «Интел- лигенция искони была хранительницей заветов свободы, защитницей человеческого достоинства. Теперь ее искушают, обещают “100 миллионов”, лишь бы она “падши поклонилась» [26, с. 1]. В частности, он критикует начинания М. Горько- го по превращению российских ученых с миро- вым именем в советских специалистов. «Своими работами академик Павлов заслужил благодар- ное удивление всей европейской науки, послужил всему человечеству. А Горький хочет заставить его читать “краткий курс по физиологии”, что мо- жет сделать с успехом всякий студент. И выхо- дит так, что <, > заботясь о распространении наук, Горький выказывает очень мало уважения к са- мой науке и ее верным служителям...» [26, с. 1] — читаем в статье Философова “Скверный анек- дот” от 3 мая (20 апреля) 1918 года, на которую 10 мая (27 апреля) в “Новой жизни” откликается Горький: “Призыв к работе на пользу государ- ства и народа не есть призыв к предательству” [27, с. 177]. На следующий день газета “Наш век”, в которой Философов печатался, была закрыта. Издание возобновилось в июне, но неизвестно, свя- зана ли эта история с ответом Горького, чьи “Несво- евременные мысли” еще в январе того же года Фи- лософов называл “чисто обывательскими” [28, с. 1], а самого писателя, “буревестника” революции, «который подстриг себе крылья, надел пиджак и превратился в какую-то “курицу”, в подмочен- ного интеллигента, в полубуржуя» [28, с. 1], при- зывал не сидеть между двух стульев, “потому что до сих пор неискренность была несовместима с Горьким” [28, с. 1]. «Впрочем, — как оценивал сложившуюся ситуацию с закрытием “Нашего века” Философов, — судьба газеты ничем теперь не отличается от судьбы отдельного человека. Се- годня жив и здоров, а завтра — поминай как зва- ли! Настоящей культуры и свободы у нас нет. Есть “культура и свобода” в кавычках. Милое благот- ворительное общество, вроде “общества для до- ставления носовых платков американским не- грам” [29, с. 1].

Выступая против сотрудничества интеллигенции с «большевизмом, прикрытым “культурной” слезой Максима Горького» [30, с. 2], Философов, по собственному признанию, говорил «не о пресловутом “соглашательстве”, которое объясняется, главным образом, насилем “костлявой руки голода”», а об «игре в “культурную работу”» [31, с. 1]. Однако напомним, что после победы Февральской революции Философов так же, как и Горький после Октября, тоже примерял на себя роль одного из идеологов новой власти, призывал “не угашать духа” и активно включаться в “культурное строительство”. К примеру, 14 (27) марта 1917-го он критиковал театры, которые возобновили работу с дореволюционным репертуаром: “Художники объединяются, кого-то выбирают, что-то проектируют, а в театре, где искусство всего ближе соприкасается с широкими массами, все осталось по-старому” [32, с. 3]. Поэтому-то Философов прекрасно понимал, что формально новая власть поступает вполне логично. И слова из его последней статьи, опубликованной 2 августа 1918 года перед окончательным закрытием газеты “Наш век”<sup>2</sup>, прозвучали с надеждой на то, что и “новый хлеб” окажется по-своему питательным: “Если допустить, что в России старая культура умерла, творится совершенно новый мир, новая земля и новое небо, то никакие разрушения не страшны так же, как не страшны были во времена блаженного Августина разрушения, чинимые варварами. Сколько памятников античной литературы было уничтожено трудолюбивыми монахами, которые писали жития святых на выскобленных трагедиях Еврипида!” [33, с. 2].

Так же, как интеллигенция, в полосу гонимости вступила церковь. «Один строй, — пишет Философов, — давил со своим “покровительством”, новый строй гонит со своими преследованиями. Александр-Невская лавра уже “реквизирована”. И вот эта гонимость создала мост между интеллигенцией и церковью» [34, с. 1]. Известно, что до Октябрьской революции Философов, как и Мережковские, выступал критиком официальной (огосударственной) церкви и был сторонником “нового религиозного сознания”. Еще в начале 1917-го в его статьях раздается недовольство тем, что “все богослужбные новшества имеют политический характер” [35, с. 2], и звучит утверждение о том, что “по существу, ни католическая церковь, ни православная не могут быть подчинены государству, они могут быть лишь отделены от государства” [36, с. 5]. Неудивительно, что уже в первые дни после Февральской революции

Философов опубликовал призыв к власти об отделении церкви от государства и призыв к церкви об аннулировании коронационного акта миропомазания. «Новое государство, — сказано в статье “Необходимый церковно-правительственный акт” от 8 (21) марта 1917 года, — по существу своему не может быть конфессиональным, а следовательно, все государственные акты должны быть лишены всякого церковного привкуса» [37, с. 2]. “Отречение от престола, — читаем далее, — есть форма юридической смерти. Она должна быть санкционирована церковью” [37, с. 2].

Между тем ни светские, ни церковные власти не предпринимали решительных действий, ограничиваясь “опасными полумерами”, о которых в своих публикациях писал Философов [38]. Опору для новой обер-прокуратуры он видел прежде всего в белом (рядовом) духовенстве, которое было тесно связано с народом: «Кому случалось бывать в архиерейских покоях и видеть там какого-нибудь затрапезного батюшку, приехавшего из своего медвежьего угла, с какой-нибудь просьбой, тот живо чувствует, какую непроходимую пропасть создал старый строй между церковным аристократом — епископом и церковным демократом — “попом”» [39, с. 2]. Философов с надеждой воспринял открытие Всероссийского поместного собора 15 (28) августа 1917 года, на котором должно было закладываться “бытие новой церкви” [39, с. 2]. С не меньшим воодушевлением он отнесся к собранию, состоявшемуся в Петрограде 29 июля 1918-го под председательством епископа Геннадия, по частному вопросу: следует ли удалять из светской школы иконы и другие предметы религиозных культов. Однако событию этому публицист придавал значение “собора всех церквей”: “За одним столом сидели представители православной церкви, англиканской, единоверческой, католической, лютеранской, реформатской. Наконец, раввин еврейской и имам мусульманской общин” [40, с. 1] — который не звал людей в определенную церковь, а задавался самым насущным вопросом: “С Богом или против Бога должна строиться подлинная человеческая культура, во главе которой стоит человек, а не голая материя?” [40, с. 2].

И чем дольше Философов наблюдал за происходившим вокруг него с приходом к власти большевиков, когда со всей очевидностью стал вырисовываться “новый фронт” гражданской войны — “физическая борьба с церковью” [41, с. 1], тем больше подтверждений находилось тому, что, «как бы ни старался Луначарский — Августин ему не быть, а жалка его “религия человеко-божества” не более, как упражнения провинциального гимназиста» [18, с. 5]. «Пусть, — пишет

<sup>2</sup> Последний номер газеты вышел 3 августа 1918 года.

Философов в одной из последних своих статей, опубликованных в России, — по мнению наших просвещенных людей, церковь “устарела”, пусть лампадное масло ее прогоркло. Но не устарела подлинная потребность во вселенскости, жажда утверждения абсолютной личности. “Интернационализм” не более как суррогат вселенскости. Материальная игра “атомов” в форме классово-борьбы никогда не удовлетворит подлинной человеческой, а не звериной, личности» [42, с. 1]. И хотя пролетарская мечта о социальном рае, “золотая сказка” большевиков тоже основывается на религиозных, иррациональных чувствах, Философов не сомневался, что «такая “религия”, конечно, обречена на гибель» [43, с. 2].

Тем временем на грани гибели оказалась церковь вместе с защищавшим ее духовенством и критиковавшей долгие годы интеллигенцией. Убийство митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского), на которое Философов откликнулся заметкой, стало первым в ряду трагических смертей православных архиереев на землях бывшей Российской империи в ходе гражданской войны. «Мы не знаем подробности убийства владыки, — писал он. — Но хочется верить, что оно объясняется случайностью, к сожалению, ставшей столь обычной в наши “красные” дни» [44, с. 2]. Роль своеобразного барометра, измеряющего бедственность положения, для Философова играла усугублявшаяся ситуация со свободой слова: «Я всегда “ориентируюсь” на положение печати. С самого начала двадцатого века этот самодельный барометр служит мне верой и правдой, во все времена года, при всех режимах» [45, с. 1]. Наконец, условия жизни становились все более невыносимыми. «На углу Литейного и Невского, — свидетельствовал Философов, — Содом и Гоморра. Ни пройти, ни проехать. Люди провозгласили “материю” альфой и омегой человеческого счастья, и вместе с тем могут не справиться даже “со снегом”, не только с холодом и голодом. Старое благолепие они уничтожили, создать новое они бессильны...» [34, с. 1]. Ко всему прочему, Мережковские понимали, что у Философова “было и личное страданье — гибель трех сыновей любимой сестры” [46, с. 199]. “...Но все же, — вспоминает З.Н. Гиппиус, — его ожесточение и пассивность казались мне чрезмерными. С пассивным отвращением соглашался он на отъезд. Можно сказать, что Дм<итрий> Серг<еевич> насильно увез его, так он был инертен и безучастен” [46, с. 199]. Под предлогом чтения лекций в красноармейских частях мглисто-розовым вечером 24 декабря 1919 года они покинули город. На поезде и в розвальнях, по лесу и целине, опасаясь

доноса и минуя заставы, добрались до польского фронта: “— Кто вы? — Русские беженцы. — Откуда? — Из Петрограда. — Куда? — В Варшаву, Париж, Лондон. Познанский легионер подал знак, ворота открылись, и мы переехали черту заповедную, отделяющую тот мир от этого” [47, с. 75]. Одну жизнь от другой.

По признанию родной сестры Философова, З.В. Ратьковой-Рожновой, “Дима — редкое явление, пример преобразования одного человека в другого до революции и после. До революции Дима — эстет в том понимании, которое было принято в девятнадцатом веке. Все то, что было красотой, касалось ли это морального или материального, было для него божеством. Мама говорила, что Дима мог защищать картину с оружием в руке. Идеалист был, идеалистом и остался, но после революции в Варшаве родился другой Дима. На некоторое время искусство перестало существовать для него, борьба с людским злом интересовала его полностью...” [4, с. 445]. Очевидно, что собранные воедино статьи Философова революционных лет помогут полнее раскрыть обстоятельства этого “преобразования” и проследить трагические изменения в судьбе не только отдельной творческой личности, но и всей страны.

#### ПРИЛОЖЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Д.В. ФИЛОСОФОВА ЗА 1917–1918 ГОДЫ

Рождественский молебен // Речь. 1917. 6 (19) января. № 5 (3747). С. 2.

Литература или культура? I // Речь. 1917. 8 (21) января. № 7 (3749). С. 3 (то же: Современное слово. 1917. 8 января. № 3227. С. 2).

Литература или культура? II // Речь. 1917. 12 (25) января. № 10 (3752). С. 3 (то же: Современное слово. 1917. 12 января. № 3230. С. 2).

Человек и книга // Речь. 1917. 16 (29) января. № 14 (3756). С. 3.

Трагичная переписка // Речь. 1917. 20 января (2 февраля). № 18 (3760). С. 2.

<рец.:> И.Т. Тарасов. Самодержавие и абсолютизм. М., 1917 // Речь. 1917. 24 января (6 февраля). № 22 (3764). С. 5.

<рец.:> Василий Экземплярский. Христианское юродство и христианская сила. К вопросу о смысле жизни. Киев, 1916 // Речь. 1917. 24 января (6 февраля). № 22 (3764). С. 5.

Соблазнительная тяжба // Речь. 1917. 27 января (9 февраля). № 25 (3767). С. 2.

- Заметка // Речь. 1917. 1 (14) февраля. № 30 (3772). С. 2–3 (то же: Современное слово. 1917. 1 февраля. № 3250. С. 1).
- Современный оккультизм // Речь. 1917. 6 февраля. № 35. С. 3.
- Детский вопрос в столице // Речь. 1917. 7 (20) февраля. № 36 (3778). С. 2; 12 (25) февраля. № 41 (3783). С. 2.
- О беспризорных детях. III // Речь. 1917. 13 (26) февраля. № 42 (3784). С. 2.
- Солдатские думки // Речь. 1917. 20 февраля (5 марта). № 48 (3790). С. 3–4.
- <рец.:> В.В. Данилов. Литература как предмет преподавания. М., 1917 // Речь. 1917. 20 февраля (5 марта). № 48 (3790). С. 4.
- Теория и практика // Речь. 1917. 23 февраля (8 марта). № 51 (3793). С. 2.
- За живой стеной // Речь. 1917. 7 (20) марта. № 56 (3798). С. 2–3.
- Необходимый церковно-правительственный акт // Речь. 1917. 8 (21) марта. № 57 (3799). С. 2.
- Царское имущество и народ // Речь. 1917. 10 (23) марта. № 59 (3801). С. 2.
- Августейшая благотворительность // Речь. 1917. 12 (25) марта. № 61 (3803). С. 3.
- Духа не угашайте // Речь. 1917. 14 (27) марта. № 62 (3804). С. 3.
- Борьба с демагогией // Речь. 1917. 16 (29) марта. № 64 (3806). С. 2.
- Воскресшая Россия // Речь. 1917. 23 марта (5 апреля). № 70 (3812). С. 3 (то же: Современное слово. 1917. 23 марта. № 3289. С. 1–2).
- Золотые сны // Речь. 1917. 1 (14) апреля. № 77 (3819). С. 3.
- Опасные полумеры // Речь. 1917. 9 (22) апреля. № 82 (3824). С. 3–4.
- Без почты // Речь. 1917. 21 мая (3 июня). № 118 (3860). С. 3.
- Кличка “Скорый” // Аргус. 1917. № 11–12. С. 82–85.
- Русский офицер // Речь. 1917. 16 (29) июля. № 165 (3907). С. 2.
- Хитрый мужичонка // Речь. 1917. 12 (25) августа. № 188 (3930). С. 2 (то же: Слово. 1917. 12 августа. № 4307. С. 2).
- Письма с фронта // Речь. 1917. 13 (26) августа. № 189 (3931). С. 2.
- Церковный собор // Речь. 1917. 15 (28) августа. № 190 (3932). С. 2.
- Старые навыки // Речь. 1917. 23 августа (5 сентября). № 197 (3939). С. 2.
- Под подозрением // Речь. 1917. 5 (18) сентября. № 208 (3950). С. 1–2.
- Непротивленыши // Речь. 1917. 7 (20) сентября. № 210 (3952). С. 1–2.
- Своеобразная коалиция // Речь. 1917. 15 (28) сентября. № 217 (3959). С. 1.
- В.М. Зензинову // Речь. 1917. 21 сентября (4 октября). № 222 (3964). С. 2.
- Пляска св. Витта // Речь. 1917. 27 сентября (10 октября). № 227 (3969). С. 2.
- Собор и министр исповеданий // Речь. 1917. 29 сентября (12 октября). № 229 (3971). С. 1.
- Суд придет! // Речь. 1917. 30 сентября (13 октября). № 230 (3972). С. 2.
- О лжи // Речь. 1917. 1 (14) октября. № 231 (3973). С. 1–2.
- Предостережение // Речь. 1917. 6 (19) октября. № 235 (3977). С. 2.
- Оборона и социалистические партии // Речь. 1917. 11 (24) октября. № 239 (3981). С. 2.
- Кем забыт фронт // Речь. 1917. 12 (25) октября. № 240 (3982). С. 2.
- В Совете // Речь. 1917. 14 (27) октября. № 242 (3984). С. 2.
- В Совете // Речь. 1917. 17 (30) октября. № 244 (3986). С. 2.
- Впечатления // Речь. 1917. 19 октября (1 ноября). № 246 (3988). С. 2 (то же: Современное слово. 1917. 19 октября. № 3465. С. 3).
- Неискушенные // Речь. 1917. 20 октября (2 ноября). № 247 (3989). С. 1.
- Впечатления // Речь. 1917. 21 октября (3 ноября). № 248 (3990). С. 2.
- Пшеничный хлеб // Речь. 1917. 22 октября (4 ноября). № 249 (3991). С. 5.
- Впечатления // Речь. 1917. 24 октября (6 ноября). № 250 (3992). С. 2.
- Трагический юбилей // Наша речь. 1917. 16 (29) ноября. № 1. С. 2.
- Новый Талейран // Наша речь. 1917. 17 (30) ноября. № 2. С. 2.
- В союзе писателей // Век. 1917. 23 ноября (6 декабря). № 1. С. 3.

- Фортинбрас // Век. 1917. 24 ноября (7 декабря). № 2. С. 1.
- Шнеуры // Новая речь. 1917. 28 ноября (10 декабря). № 1. С. 2.
- Враг народа // Наш век. 1917. 1 (14) декабря. № 2. С. 1.
- Две речи // Наш век. 1917. 2 (15) декабря. № 3. С. 1–2.
- Русский дух // Наш век. 1917. 3 (16) декабря. № 4. С. 1.
- Ответственные эсеры // Наш век. 1917. 6 (19) декабря. № 6. С. 1.
- Зловещая победа // Наш век. 1917. 9 (22) декабря. № 9. С. 1.
- Взаимные попреки // Наш век. 1917. 12 (25) декабря. № 11. С. 1.
- Отечество (К годовщине 14-го декабря) // Наш век. 1917. 14 (27) декабря. № 13. С. 1.
- Саранча // Наш век. 1917. 19 декабря (1 января 1918). № 17. С. 1.
- Заметка // Наш век. 1917. 20 декабря (2 января). № 18. С. 2.
- Смольная Европа // Наш век. 1917. 21 декабря (3 января). № 19. С. 1.
- Революционная юстиция и самосуды // Наш век. 1917. 22 декабря (4 января). № 20. С. 1.
- Свобода и рабство // Наш век. 1917. 24 декабря (6 января). № 22. С. 2.
- Свето-тьнь // Наш век. 1917. 28 декабря (10 января). № 23. С. 1.
- Старая история // Наш век. 1918. 4 (17) января. № 2 (28). С. 1.
- Похороны // Наш век. 1918. 11 (24) января. № 6 (31). С. 1.
- Вечно гонимая // Наш век. 1918. 12 (25) января. № 7 (32). С. 2 (то же: Современное слово. 1918. 12 января. № 3477. С. 2).
- После панихиды // Наш век. 1918. 16 (29) января. № 10 (35). С. 1.
- Новый фронт // Наш век. 1918. 20 января (2 февраля). № 14 (39). С. 1.
- Полубуржуй // Наш век. 1918. 25 января (7 февраля). № 18 (43). С. 1.
- Пестрая ткань // Наш век. 1918. 14 (1) февраля. № 24 (49). С. 1.
- Тоже экстерриториальность // Наш век. 1918. 16 (3) февраля. № 26 (51). С. 1–2.
- Кончина митрополита // Наш век. 1918. 17 (4) февраля. № 27 (52). С. 1–2.
- Сумерки // Наш век. 1918. 21 (8) февраля. № 30 (54). С. 1 (то же: Современное слово. 1918. 21 февраля. № 3499. С. 1).
- Сыны Едомовы // Наш век. 1918. 12 марта (27 февраля). № 46 (70). С. 2.
- В темноте // Наш век. 1918. 15 (2) марта. № 48 (72). С. 2.
- Виды на будущее // Наш век. 1918. 16 (3) марта. № 49 (73). С. 2.
- Спор // Наш век. 1918. 21 (8) марта. № 53 (77). С. 1–2.
- Просвещенный сановник (Памяти Д.Ф. Кобеко) // Наш век. 1918. 22 (9) марта. № 54 (78). С. 1–2.
- То было раннею весной // Наш век. 1918. 26 (13) марта. № 57 (81). С. 1–2.
- Скифы // Наш век. 1918. 31 (18) марта. № 62 (86). С. 2.
- “Сегодня” // Наш век. 1918. 31 (18) марта. № 62 (86). С. 6.
- Горе от ума // Наш век. 1918. 5 апреля (23 марта). № 66 (90). С. 2.
- “Немедленные социалисты” // Наш век. 1918. 13 апреля (31 марта). № 72 (96). С. 1.
- Еврейские погромы // Наш век. 1918. 17 (4) апреля. № 75 (99). С. 1.
- Импотентная буржуазия // Наш век. 1918. 21 (8) апреля. № 79 (103). С. 1–2.
- Смутный праздник // Наш век. 1918. 27 (14) апреля. № 84 (108). С. 1.
- Скверный анекдот // Наш век. 1918. 3 мая (20 апреля). № 88 (112). С. 1.
- Барометр // Наш век. 1918. 11 мая (28 апреля). № 93 (117). С. 1.
- Неожиданная встреча // Наш век. 1918. 16 (3) июня. № 94 (118). С. 1.
- Нечто пессимистическое // Наш век. 1918. 18 (5) июня. № 95 (119). С. 1–2.
- Недавнее прошлое // Наш век. 1918. 23 (10) июня. № 100 (124). С. 2.
- Золотая сказка // Наш век. 1918. 27 (14) июня. № 102 (126). С. 1–2.
- Культурное строительство // Наш век. 1918. 30 (17) июня. № 105 (129). С. 2.
- История и нация // Наш век. 1918. 2 июля (19 июня). № 106 (130). С. 1–2.

О лампадном масле и прочем // Наш век. 1918. 21 (8) июля. № 123 (147). С. 1.

Незаметное чудо // Наш век. 1918. 31 июля. № 131 (155). С. 1–2.

Светопись // Наш век. 1918. 1 августа. № 132 (156). С. 1.

Старый и новый хлеб // Наш век. 1918. 2 августа. № 133 (157). С. 2.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Философов Д.В.* Под подозрением // Речь. 1917. 5 (18) сентября. № 208 (3950). С. 1–2. [Philosophov, D.V. [Under Suspicion]. *Rech'* [Speech]. 1917, 5 (18) September, No 208 (3950), P. 1–2.]
2. *Философов Д.В.* Предостережение // Речь. 1917. 6 (19) октября. № 235 (3977). С. 2. [Philosophov, D.V. [Warning]. *Rech'* [Speech]. 1917, 6 (19) October, No 235 (3977), P. 2.]
3. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. — 712 с. [Benua, A.N. *Moi vospominaniya: V 2 t. T. 1* [My Memories. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 712 p.]
4. *Джон Стюарт Дюррант.* По материалам архива Д.В. Философова // Лица: Биографический альманах. 5. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. С. 444–459. [Dzhon Styuart Dyurrant [Based on the Archives of D.V. Filosofov]. *Lica: Biograficheskij al'manah. 5* [Persons: Biographical Almanac. 5]. Moscow, St. Petersburg, Feniks; Atheneum Publ., 1994, P. 444–459.]
5. *Философов Д.В.* Человек и книга // Речь. 1917. 16 (29) января. № 14 (3756). С. 3. [Philosophov, D.V. [Man and Book]. *Rech'* [Speech]. 1917, 16 (29) January, No 14 (3756), P. 3.]
6. *Философов Д.В.* Золотые сны // Речь. 1917. 1 (14) апреля. № 77 (3819). С. 3. [Philosophov, D.V. [Golden Dreams]. *Rech'* [Speech]. 1917, 1 (14) April, No 77 (3819), P. 3.]
7. *Философов Д.В.* “Сегодня” // Наш век. 1918. 31 (18) марта. № 62 (86). С. 6. [Philosophov, D.V. [“Today”]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 31 (18) March, No 62 (86), P. 6.]
8. *Философов Д.В.* Теория и практика // Речь. 1917. 23 февраля (8 марта). № 51 (3793). С. 2. [Philosophov, D.V. [Theory and Practice]. *Rech'* [Speech]. 1917, 23 February (8 March), No 51 (3793), P. 2.]
9. *Философов Д.В.* Царское имущество и народ // Речь. 1917. 10 (23) марта. № 59 (3801). С. 2. [Philosophov, D.V. [Imperial Property and People]. *Rech'* [Speech]. 1917, 10 (23) March, No 59 (3801), P. 2.]
10. *Философов Д.В.* То было раннею весной // Наш век. 1918. 26 (13) марта. № 57 (81). С. 1–2. [Philosophov, D.V. [That Was Early Spring]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 26 (13) March, No 57 (81), P. 1–2.]
11. *Философов Д.В.* Скифы // Наш век. 1918. 31 (18) марта. № 62 (86). С. 2. [Philosophov, D.V. [The Scythians]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 31 (18) March, No 62 (86), P. 2.]
12. *Философов Д.В.* Сумерки // Наш век. 1918. 21 (8) февраля. № 30 (54). С. 1. [Philosophov, D.V. [Dusk]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 21 (8) February, No 30 (54), P. 1.]
13. *Философов Д.В.* Враг народа // Наш век. 1917. 1 (14) декабря. № 2. С. 1. [Philosophov, D.V. [Enemy of the People]. *Nash vek* [Our Century]. 1917, 1 (14) December, No 2, P. 1.]
14. *Философов Д.В.* Литература или культура. I // Речь. 1917. 8 (21) января. № 7 (3749). С. 3. [Philosophov, D.V. [Literature or Culture. I]. *Rech'* [Speech]. 1917, 8 (21) January, No 7 (3749), P. 3.]
15. *Философов Д.В.* Литература или культура? II // Речь. 1917. 12 (25) января. № 10 (3752). С. 3. [Philosophov, D.V. [Literature or Culture. II]. *Rech'* [Speech]. 1917, 12 (25) January, No 10 (3752), P. 3.]
16. *Философов Д.В.* История и нация // Наш век. 1918. 2 июля (19 июня). № 106 (130). С. 1–2. [Philosophov, D.V. [History and Nation]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 2 July (19 June), No 106 (130), P. 1–2.]
17. *Мережковский Д.С.* Россия будет (Интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 23 июня (10 июня). № 100 (124). С. 2; 28 (15) июня. № 103 (127). С. 2–3. [Merezhkovskij, D.S. [Russia will be (Intelligentsia and People)]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 23 June (10 June), No 100 (124), P. 2; 28 (15) June, No 103 (127), P. 2–3.]
18. *Философов Д.В.* Пшеничный хлеб // Речь. 1917. 22 октября (4 ноября). № 249 (3991). С. 5. [Philosophov, D.V. [Wheat Bread]. *Rech'* [Speech]. 1917, 22 October (4 November), No 249 (3991), P. 5.]
19. *Философов Д.В.* “Немедленные социалисты” // Наш век. 1918. 13 апреля (31 марта). № 72 (96). С. 1. [Philosophov, D.V. [“Immediate Socialists”]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 13 April (31 March), No 72 (96), P. 1.]
20. *Философов Д.В.* В союзе писателей // Век. 1917. 23 ноября (6 декабря). № 1. С. 3. [Philosophov, D.V. [In the Writers' Union]. *Vek* [Century]. 1917, 23 November (6 December), No 1, P. 3.]
21. *Философов Д.В.* Отечество (К годовщине 14-го декабря) // Наш век. 1917. 14 (27) декабря. № 13. С. 1. [Philosophov, D.V. [Fatherland (To the Anniversary of December 14)]. *Nash vek* [Our Century]. 1917, 14 (27) December, No 13, P. 1.]
22. *Философов Д.В.* Горе от ума // Наш век. 1918. 5 апреля (23 марта). № 66 (90). С. 2. [Philosophov, D.V. [Woe from Wit]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 5 April (23 March), No 66 (90), P. 2.]
23. *Философов Д.В.* Свобода и рабство // Наш век. 1917. 24 декабря (6 января). № 22. С. 2. [Philosophov, D.V. [Freedom and Slavery]. *Nash vek* [Our Century]. 1917, 24 December (6 January), No 22, P. 2.]

24. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 51. М.:Изд-во полит. лит-ры, 1970. — 574 с. [Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. T. 51* [Complete Set of Works. In 55 vols. Vol. 51]. Moscow, Izd-vo polit. lit-ry Publ., 1970, 574 p.]
25. Философов Д.В. Вечно гонимая // Наш век. 1918. 12 (25) января. № 7 (32). С. 2. [Philosophov, D.V. [Always Persecuted]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 12 (25) January, No 7 (32), P. 2.]
26. Философов Д.В. Скверный анекдот // Наш век. 1918. 3 мая (20 апреля). № 88 (112). С. 1. [Philosophov, D.V. [A Bad Anecdote]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 3 May (20 April), No 88 (112), P. 1.]
27. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 766 с. [Galushkin, A.Yu. (Ed.) *Literaturnayazhizn' Rossii 1920-h godov. Sobytiya. Otzuvy sovremennikov. Bibliografiya. T. 1. Ch. 1. Moskva i Petrograd. 1917–1920* [Literary Life of Russia in the 1920s. Developments. Reviews of Contemporaries. Bibliography. Vol. 1. Part 1. Moscow and Petrograd. 1917–1920]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, 766 p.]
28. Философов Д.В. Полубуржуй // Наш век. 1918. 25 января (7 февраля). № 18 (43). С. 1. [Philosophov, D.V. [Half-hearted]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 25 January (7 February), No 18 (43), P. 1.]
29. Философов Д.В. Неожиданная встреча // Наш век. 1918. 16 (3) июня. № 94 (118). С. 1. [Philosophov, D.V. [Unexpected Meeting]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 16 (3) June, No 94 (118), P. 1.]
30. Философов Д.В. О лжи // Речь. 1917. 1 (14) октября. № 231 (3973). С. 1–2. [Philosophov, D.V. [About Lies]. *Rech'* [Speech]. 1917, 1 (14) October, No 231 (3973), P. 1–2.]
31. Философов Д.В. Нечто пессимистическое // Наш век. 1918. 18 (5) июня. № 95 (119). С. 1–2. [Philosophov, D.V. [Something Pessimistic]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 18 (5) June, No 95 (119), P. 1–2.]
32. Философов Д.В. Духа не угашайте // Речь. 1917. 14 (27) марта. № 62 (3804). С. 3. [Philosophov, D.V. [Do not Quench the Spirit]. *Rech'* [Speech]. 1917, 14 (27) March, No 62 (3804), P. 3.]
33. Философов Д.В. Старый и новый хлеб // Наш век. 1918. 2 августа. № 133 (157). С. 2. [Philosophov, D.V. [Old and New Bread]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 2 August, No 133 (157), P. 2.]
34. Философов Д.В. После панихиды // Наш век. 1918. 16 (29) января. № 10 (35). С. 1. [Philosophov, D.V. [After the Requiem]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 16 (29) January, No 10 (35), P. 1.]
35. Философов Д.В. Рождественский молебен // Речь. 1917. 6 (19) января. № 5 (3747). С. 2. [Philosophov, D.V. [Christmas Moleben]. *Rech'* [Speech]. 1917, 6 (19) January, No 5 (3747), P. 2.]
36. Философов Д.В. <рец.:> И.Т. Тарасов. Самодержавие и абсолютизм. М., 1917 // Речь. 1917. 24 января (6 февраля). № 22 (3764). С. 5. [Philosophov, D.V. [<Review:> I.T. Tarasov. Autocracy and Absolutism. M., 1917]. *Rech'* [Speech]. 1917, 24 January (6 February), No 22 (3764), P. 5.]
37. Философов Д.В. Необходимый церковно-правительственный акт // Речь. 1917. 8 (21) марта. № 57 (3799). С. 2. [Philosophov, D.V. [Necessary Church-Government Act]. *Rech'* [Speech]. 1917, 8 (21) March, No 57 (3799), P. 2.]
38. Философов Д.В. Опасные полумеры // Речь. 1917. 9 (22) апреля. № 82 (3824). С. 3–4. [Philosophov, D.V. [Dangerous Half Measures]. *Rech'* [Speech]. 1917, 9 (22) April, No 82 (3824), P. 3–4.]
39. Философов Д.В. Церковный собор // Речь. 1917. 15 (28) августа. № 190 (3932). С. 2. [Philosophov, D.V. [Church Meeting]. *Rech'* [Speech]. 1917, 15 (28) August, No 190 (3932), P. 2.]
40. Философов Д.В. Незаметное чудо // Наш век. 1918. 31 июля. № 131 (155). С. 1–2. [Philosophov, D.V. [An Insignificant Miracle]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 31 July, No 131 (155), P. 1–2.]
41. Философов Д.В. Новый фронт // Наш век. 1918. 20 января (2 февраля). № 14 (39). С. 1. [Philosophov, D.V. [The New Front]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 20 January (2 February), No 14 (39), P. 1.]
42. Философов Д.В. О лампадном масле и прочем // Наш век. 1918. 21 (8) июля. № 123 (147). С. 1. [Philosophov, D.V. [About the Lamp Oil and Other Things]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 21 (8) July, No 123 (147), P. 1.]
43. Философов Д.В. Золотая сказка // Наш век. 1918. 27 (14) июня. № 102 (126). С. 1–2. [Philosophov, D.V. [The Golden Tale]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 27 (14) June, No 102 (126), P. 1–2.]
44. Философов Д.В. Кончина митрополита // Наш век. 1918. 17 (4) февраля. № 27 (52). С. 1–2. [Philosophov, D.V. [The Death of the Metropolitan]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 17 (4) February, No 27 (52), P. 1–2.]
45. Философов Д.В. Барометр // Наш век. 1918. 11 мая (28 апреля). № 93 (117). С. 1. [Philosophov, D.V. [Barometer]. *Nash vek* [Our Century]. 1918, 11 May (28 April), No 93 (117), P. 1.]
46. Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. — 310 с. [Gippius-Merezhkovskaya, Z. *Dmitrij Merezhkovskij* [Dmitry Merezhkovsky] Paris, YMCA-PRESS Publ., 1951, 310 p.]
47. Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николоюкина. СПб.: РХГИ, 2001. — 656 с. [Merezhkovskij, D.S. *Carstvo Antihrista: Stat'i perioda eh migracii* [The Kingdom of Antichrist: Articles of the Period of Emigration]. St. Petersburg, RHGI Publ., 2001, 656 p.]